

АЛЕКСАНДРА ПЛЕН

ТРИ МИРА

КСЕНИЯ БЕЛКИНОЙ

ЧАСТЬ 2.

ДОМИНА

Литрес

Три мира Ксении Белкиной

Александра Плен

**Три мира Ксении
Белкиной. Часть 2. Домина**

«Александра Плен»

2023

Плен А.

Три мира Ксении Белкиной. Часть 2. Домина / А. Плен —
«Александра Плен», 2023 — (Три мира Ксении Белкиной)

Ксения лишилась всего – родины, родителей, друзей, своего мира, привычной жизни. Она знала, на что шла, когда выбирала империю и возможность видеть, но надеялась, что сможет хотя бы создать семью и родить детей. Но Раст забрал у нее даже эту возможность, сделав доминой против воли. И как дальше жить? Лишь найти себе новую цель. Изменить мир, в котором она оказалась. Сделать его лучше.

© Плен А., 2023

© Александра Плен, 2023

Содержание

Часть вторая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александра Плен

Три мира Ксении Белкиной

Часть вторая

Домина

Глава 1

Звонок в дверь прозвучал, когда я уже потеряла надежду получить свою пиццу. Курьер изрядно опаздывал. Сообщение «Заказ в пути» пришло час назад, и с того времени мой желудок не переставал гневно рычать. В глазок, естественно, я не посмотрела, хотя... если бы и посмотрела, то ничего сделать бы не смогла.

На пороге стоял Горцев, и выражение его лица не сулило ничего хорошего, скажу больше – клятвенно обещало большие неприятности. Дергаться, прятаться или убежать было бессмысленно, поэтому я не сдвинулась с места.

– Ну, привет, Ксения Игоревна, – произнес он и шагнул вперед.

Мне удавалось скрываться почти полгода. Не скажу, что я наслаждалась этим временем. Нет ничего хорошего в том, чтобы постоянно менять квартиры, районы, города. Прятаться, одеваться в нелепые одежки, носить медицинские маски и кепки, закрывая лицо, использовать одну наличку, которую привозили родственники. Естественно, ни о какой учебе, работе или развлечениях речи не шло. Меня обеспечивали родители и, если честно, мне уже поднадоела подобная жизнь.

Тогда, на Родосе, все казалось простым и понятным. Я в своем мире, скоро прилетит мама или папа, заберет меня домой, и опять все будет хорошо. Единственное, что сообразила, когда зарядила телефон в кафе, – позвонила маминой коллеге, а не маме, тем и дала себе фору в полгода. Как потом оказалось, не напрасно: за нашим домом следили, телефоны родителей прослушивались.

Мама по своим каким-то дальним каналам нашла знакомую знакомой, отдохавшую в тот момент в Греции. Пятнадцать евро дали мне возможность прожить кое-как два дня, питаясь кофе с булочками и ночуя на пляже, пока та не приехала ко мне в Монолитос. Как меня вывозили из Греции – отдельная эпопея. Сначала в Турцию, потом в Белоруссию, из нее уже в Москву. Точнее, не в Москву – отправили в деревню к двоюродной бабушке по маме. Понадеялись, что на таких дальних родственников слежка не распространяется.

– Вскоре, думаю, совсем снимут, – произнес папа, когда мы всей семьей собрались под одной крышей, – после твоего исчезновения прошло три месяца. Раньше они даже на работу провожали, а сейчас оставили одну машину у подъезда. Мы даже не уверены, прослушиваются ли еще телефоны. Если поначалу мы явно слышали щелчки при разговорах, то сейчас ничего такого.

– Но если я где-нибудь появлюсь со своим паспортом, они сразу же обнаружат. – Я была так рада видеть маму, папу, брата, дедушек и бабушек, что не могла усидеть на месте. Постоянно перемещалась по комнате: то к маме прижмусь, то брату волосы взлохмачу, поцелую бабушку в щеку.

– Значит, будешь работать по-серому, а пока попутешествуешь по европейской части России.

Первую квартиру мне сняли в Калуге, затем я переехала в Подольск, а следующим местом жительства стала Рязань. Снимали жилье на имя подруг мамы или друзей папы.

Пришлось рассказать все. И про другие миры, и про доминов, и про пари. Почему-то возможность забеременеть от родственника императора родителей не испугала, гораздо больше испугала моя будущая слепота. Наверное, из двух зол они выбрали меньшее. А мама вообще заявила:

– Нужно было остаться и делать операцию. Ребенок, даже от нелюбимого человека, – это радость. Где раз в неделю, там и два, и три. Мозги у тебя есть, ты умная и хитрая. Выкрутилась бы.

Спасибо, мамуля. Я была малость поражена ее цинизмом. Я рвалась домой, а родители, узнав, что в левом мире могут вылечить мои глаза, попеняли, что ушла оттуда. И еще... Я никогда не считала себя умной и хитрой. Правда, всегда добивалась своего. Иногда капризами в детстве, иногда лестью, а иногда... Вот черт!

В детском саду у меня была любимая кукла. Проблема в том, что она была любимой не только у меня. Чтобы оградить от поползновений других девочек, я сказала им, что ночью кукла оживает и приходит во сне к тому, кто с ней играет. Сама видела – у нее вырастают длинные клыки и когти. Надо ли говорить, что охочих играть с ней поубавилось.

А в десятом классе мы с Ленкой, моей одноклассницей, боролись за право вести школьный блог. Обе были отличницами и активистками, нас хвалили учителя, они и предложили соревнование: чья статья наберет больше лайков, тот и будет главным редактором. До статей дело не дошло – подвернулся путь легче.

Однажды я увидела Лену подкуривающей сигарету на заднем дворе между мусорными баками. Я не стала игнорировать такой жирный кусок шантажа, который сам приплыл в руки.

– А как же твоя чудесная статья о вреде курения, за которую ты получила высший балл по литературе? – медовым голосом поинтересовалась я, предварительно щелкнув телефоном. Моя соперница побледнела до синевы. Сигарета выпала из ослабевших пальцев.

– Давай ты снимешь свою кандидатуру, а я никому не покажу двуличную курящую отличницу? – насмешливо предложила, помахав айфоном.

Первая проба шантажа была удачной, тогда у меня не возникло ни угрызений совести, ни стыда, ни чувства вины. Сейчас я, наверное, постаралась бы победить честно, но в подростковом возрасте я лезла напролом, как бронированный танк.

Стоп... А не об этом ли мама говорила?

Еще, что меня реально беспокоило, – это что я так и не смогла закончить универ. И уже не закончу. Обидно. Чтобы совсем не сойти с ума от скуки, я начала вести небольшой блогек и давать вредные женские советы: как безболезненно расстаться/помириться/поругаться с парнем, ликвидировать соперниц, избавиться от токсичных подруг. Подписывалась «Умудренной опытом». Подписчиков было немного, да я и не стремилась прославиться – просто тренировалась, чтобы не забыть наработки по журналистике.

А однажды ко мне приехала мама и осталась ночевать. Она привезла кучку евро по двадцатке, дорогущую золотую брошь девятнадцатого века, усыпанную изумрудами, которая в нашем роду передавалась из поколения в поколение, и серьезный разговор, затянувшийся до глубокой ночи.

Мама принялась уговаривать меня уехать. Не в другой город или страну, а уйти навсегда в левый мир. Я догадывалась, чего стоило родителям решиться на такое. Мама смотрела в сторону и поджимала губы, как делала обычно, когда сдерживала слезы. Папу вообще оставила дома, так как в нашей семье он был слабым звеном – мог и расплакаться.

– Пока сможешь, будешь отправлять нам письма, – я догадалась, зачем она привезла евро, – но при первой же возможности сделай операцию. Я бы сказала, что можно жить и слепой, иметь семью, детей, работу. Но это будет ущербная жизнь, давай говорить честно. – Голос

мамы задрезжал. Она глубоко вздохнула, выпрямилась и продолжила: – Больше всего на свете я хочу, чтобы ты осталась с нами. Хочу радоваться твоим успехам, первой работе, зарплате. Хочу организовать твою свадьбу, выбрать самое красивое платье, вести тебя к алтарю. Хочу стать бабушкой, свекровью, ворчать на твоего мужа, забирать внуков на выходные. Хочу всю жизнь с тобой, моя любимая девочка...

Какой бы ни была мама железной леди, все-таки не удержалась – из ее глаз потекли слезы. Я же давно не сдерживала их, футболку на груди можно было выжимать.

Первым чувством, которое охватило меня после ее слов, было неприятие. Нет! Никогда я не покину свой мир. Останусь до конца, и плевать на все. Скажу родителям, что проход не открылся ни разу за все время...

– Птенец должен вылететь из гнезда, иначе он не взлетит...

– Вот только не нужно твоих психологических приемчиков... – всхлипнула я.

Мама ласково улыбнулась. Я всегда ею восхищалась, она была сильной, уверенной в себе, знала ответы на все вопросы, даже блефовала убедительно. Я видела, как ей сейчас больно и тяжело, от этого тяжело становилось мне.

– Ксюш, родители хотят, чтобы их ребенок был здоров и счастлив, это естественно. Ты не сможешь быть счастливой слепой, я тебя знаю.

– Смогу, – произнесла дрожащим голосом. Мама отмахнулась от моего нытья.

– Если будет нужно – рожай, – голос родительницы стал твердым и властным. – Дети – это прекрасно. А по поводу семьи, брака или еще чего... Все в твоих силах. Миром правит рука, качающая колыбель. Если захочешь, перевернешь его вверх дном, но будешь со своим ребенком. Я верю в тебя...

На некоторое время я зависла, переваривая мамины слова. Нет, я еще слишком молода, чтобы осознать такую глубокую мудрость. Мы еще о многом говорили в тот вечер. Мама словно наверстывала упущенное или, наоборот, спешила дать советы на будущее.

Утром она уехала, а я опять погрузилась в уныние, мутное бездонное болото ничегонеделания. Ни работы, ни учебы, ни друзей, ни развлечений. Лишь чтение и бесконечные размышления о жизни. Я не собиралась уходить в левый мир, но иногда предательские мысли зудели на подкорке и заставляли рассуждать.

Во-первых, медицина. Вдруг получится сделать операцию? Во-вторых, там реально интересно. Я многого не видела, ни Рима, ни Афин, даже Колосса не посетила. Техника более развита, космические корабли летают на Марс, как в другую провинцию. Плюс сакс... Очень интересно на него глянуть. А в-третьих, если я буду осторожна и внимательна, не буду соглашаться с предложениями доминов посетить острова и их закрытые поместья, то Лукреции меня не достанут. А договор? Выкручусь как-нибудь. Заверять его нужно в парме при свидетелях. Вот они и узнают, что я подписала под принуждением.

Странно, но ни о Растусе, ни о Фабии я почти не вспоминала. Но подсознательно сравнивала с доминами всех мужчин. Я не успела за полгода повстречаться с кем-нибудь серьезно. Пару раз сходила в кино с соседом, он снимал квартиру напротив. Дима хотел продолжения, но я отказала и вскоре переехала в другой город. С Антоном познакомилась в супермаркете, он весело поинтересовался, почему я до сих пор в маске, если пандемия давно закончилась. Этот был более настойчивым, даже, можно сказать, наглым: на первом же свидании попытался залезть под юбку, начал преследовать, караулил у подъезда, и мне пришлось переехать раньше, чем планировала. Увы, любой из них в сравнении с доминами выглядел как блеклая старая фотография против качественного снимка дорогой камерой с высоким разрешением.

Глава 2

Везли меня в Москву под конвоем, словно преступницу. В железном фургоне без окон, с решетками поперек проходов. Не дали даже толком собрать вещи. Я лишь успела ухватить самое необходимое – телефон, деньги, брошь. Зато, пока ехала, кое-как продумала легенду.

Допрос, учиненный Горцевым в кабинете, состоялся по всем правилам судебного искусства. Наконец я поняла разницу между нашим первым разговором и теперешним, о котором он предупреждал, если удастся его разозлить. Мне, видимо, удалось. Нет, он не заламывал руки, не загонял под ногти иголки и не светил в глаза фонарем. Но разница тона и угроз была колоссальна.

Я пыталась огрызаться. Ну что они со мной могут сделать? Убить не могут, я полезна живая. Даже посадить в клетку не могут – я должна ездить по миру, значит, нужна свобода передвижений. Приставят круглосуточную охрану? Скорее всего. Но и охрана ничего не сможет сделать, если проход откроется на расстоянии вытянутой руки.

Оказывается, я была слишком наивной.

– Ваш брат еще школьник?

Я напряглась мгновенно, за долю секунды, кровь отхлынула от лица.

– Посещает секции по баскетболу и плаванию? А в спорте часто бывают травмы... Иногда серьезные.

– Э-э-э...

Не успела я даже выдавить из себя чего-то путного, как он сразу невозмутимо продолжил:

– Отец ездит на десятилетнем «Форде»? На дороге есть много разных идиотов, которые не соблюдают правила, а машина старая.

– Стоп. Я расскажу все.

Наконец, я собралась с мыслями. Его угрозы... Они будут вечным крючком, на который меня повесят. До самой слепоты. Но ничего сделать не могла – для меня семья всегда была на первом месте. Естественно, ни о каком проходе между мирами я говорить не собиралась. Пока. Оставлю его на крайний случай, если не будет другого выхода.

– Когда я убежала гулять по ночному Парижу, то встретила парня, – начала говорить я, стараясь, чтобы мой рассказ выглядел как можно более романтическим. – Люк дал свой телефон и пригласил в гости. Вот эти три месяца я с ним и провела. Хотела перед слепотой оторваться, а получилось, что влюбилась, как кошка.

– Я слышала разговор Латова и Николая Ильича о том, что ослепну через пару лет, – добавила в свой рассказ правды. На лекциях по журналистике нам говорили, что лучше всего ложь воспринимается, если ее перемешать с правдой.

– А как же другой мир, о котором вы написали в письме?

– Вы шутите? Какой мир? – я весело рассмеялась. – Просто придумала сказочку родителям, чтобы не волновались. Они у меня строгих правил – ни за что бы не разрешили жить с парнем, с которым знакома несколько часов. А телефон не включала, потому что не хотела, чтобы меня нашли.

– И как вы оказались в Греции? – по глазам было видно, что он мне не верит.

– Люк был неформалом, не признавал документов, – я хихикнула, закатив глаза, – смесь битника, люмпена и хиппи. Мы кочевали по Евросоюзу, воровали еду, одежду... Иногда просили милостыню. Эх, веселые были денечки...

– Ближе к теме! – рявкнул надсмотрщик. Я испуганно сглотнула.

– В Евросоюзе же не нужны документы, чтобы путешествовать. Мы пешком пересекали границу, прятались от властей с такими же неформалами. Лето решили провести в Греции.

Переплыли пролив вместе с беженцами. И там он нашел другую – блондинку, англичанку, – мои губы задрожали, и я с трудом, но выдавила слезинку.

– И тогда, впервые за три месяца, вы решили включить телефон и позвонить родителям? – сарказм Горцева можно было грести лопатой.

– Деньги кончились, – я пожала плечами, – да и нагулялась уже.

Майор пристально меня разглядывал. Я чувствовала пятой точкой, что он не верит ни единому моему слову. Но пусть попробует проверить. Путешествие по Евросоюзу с неформалами, пешком, без документов и телефонов вряд ли получится отследить даже у такой серьезной организации.

– Ладно, пока этого достаточно, Ксения Игоревна, – произнес Горцев через некоторое время. – Доверия к вам нет, вы сами виноваты. С вами будет круглосуточно находиться охрана, это раз. Любые встречи, как и выходные, исключены, это два. И уже завтра мы улетаем в Краснодар, к тому заводу, о котором вы говорили ранее. Будем приступать к серьезным исследованиям. И так потеряли много времени.

– Я не сделаю ни шага, пока мне не разрешат встретиться с родителями!

И, видя, что Горцев собирается возразить, воскликнула нервно:

– Один раз! Они будут волноваться! Я исчезла из квартиры, они не знают, где я. Разрешите, – у меня слезы потекли из глаз, – пожалуйста... Ведь у вас тоже есть папа и мама...

Горцев пожевал губами и выдавил неохотно:

– Ладно. Один раз. Завтра утром.

Маму, папу и брата привезли в бизнес-центр. Мы встретились наверху, в одной из пустых безликих комнат на десятом этаже. Я жила на двенадцатом. Скорее всего, в комнате стояла прослушка, плюс двое охранников так и не оставили нас наедине, а десятый этаж исключал любую возможность побега через окно.

Говорили мы мало, в основном обнимались и плакали. Все вчетвером. Я прижималась к ним сильно, отчаянно, как в последний раз. Хотела забрать с собой частичку тепла их тел, их слезы, любовь, спрятать внутри себя и хранить до самого конца. Я уже понимала, что вскоре уйду – будущее, которое мне нарисовал Горцев, было слишком уж мрачным. Толку жить в родном мире, если я даже не буду видаться с родными. Лучше уж там...

– Вам пора, – охранник подал голос.

Сцепленные в одно целое мы вчетвером побрели к двери. И уже у входа я решилась. Поцеловала маму в щеку и прошептала тихо:

– Я подумала над твоими словами... – В ее глазах мелькнуло понимание вперемешку с грустью. Мама кивнула и вышла за дверь.

Через час я уже была в аэропорту. Николай Ильич встретил меня тепло и радостно, словно я и не сбегала. Также с нами летели Елена Владимировна с вечным диктофоном в руках, трое научных работников, представленных как инженеры-проектировщики, – они должны будут разобраться в технической документации, которую мне предстоит найти и перерисовать, – и двое безликих охранников с каменными физиономиями.

Я угрюмо смотрела на проплывающие под нами облака. Настроение было мрачным. Вчера перед сном я смотрела телевизор, и вдруг миры перед глазами расплылись до неясного мерцания. Я не могла обрести четкость пару минут, моргала, терла глаза, массировала веки и не знала, что делать. Жутко испугалась.

Почему в жизни приходится делать выбор? Иногда неподъемный. Почему нельзя подстелить соломки? Почему бывают такие ситуации, когда нет однозначного решения, и куда не повернешь – везде задница? И какое решение я бы ни приняла – осталась бы здесь или ушла в другой мир, – полного счастья не будет. Мама права, я не смогу быть счастливой слепой, но также верно, что не смогу нормально жить без своих близких.

Как же хорошо было в детстве! Любящие мама с папой, бабушки с дедушками, престижная школа, победы на олимпиадах, пансионаты в Подмоскowie на каникулах, пляжный волейбол, теннис, внимание парней, поцелуи под звездами... Каждый день – новые приключения, новые свидания, радостные события. Жизнь была простой, легкой и счастливой. И никакого выбора.

Глава 3

Электростанция левого мира стояла частично на месте парка, что, несомненно, радовало, и частично на территории жилого комплекса, что радовало не особо. Конструкция была сложной и громоздкой. Как я поняла, сначала гравиволны усиливали, а потом прогоняли через огромную трубу, типа трубы МРТ, только в тысячу раз больше. Сегменты трубы в три человеческих роста хаотично крутились, гипнотизируя чуждой мощью. Скрывать было нечего, я подробно все рассказывала. Что как стоит, двигается, искрит и замедляется.

Но главное, конечно, было не в визуальных зарисовках, главное было в первоисточниках – чертежах, формулах и так далее. Где их брать, я не знала. Бродила по комнатам в надежде увидеть что-то на столе. Скорее всего, документация, если и была, находилась в папках, в сейфах или ящиках. Увы, протянуть руку и открыть их я не могла, оставалось лишь ждать, пока кому-нибудь из работников понадобится что-нибудь посмотреть.

– Так мы можем ждать месяцами, – буркнула я раздраженно, два дня просидев на лавочке в парке в нашем мире, а в левом – в кабинете какого-то начальника (уж очень он был просторным и роскошно обставленным). За все время сам инженер в нем побывал несколько раз по десять минут. Никаких ящиков не открывал, документацию на столе не раскладывал.

Решили пока ограничиться наружным наблюдением. Я залезала внутрь турбин, описывала досконально их наполнение, а наши лаборанты делали зарисовки по моим словам.

– Вы только представьте! – не мог успокоиться Николай Ильич. Мы ехали в фургоне в гостиницу. У меня после дня говорильни распух язык и болело горло, все время хотелось пить и спать, а профессор был полон сил и энергии. – Перемещение электричества на расстоянии! Это даже не Нобелевская премия, это переворот во всей энергетике!

– Но там совсем другой принцип, – возразил один из инженеров. – У нас – заряженные частицы, у них – магнитные волны. Нужен первоисточник, работы того, кто открыл первый усилитель-магнит.

– Библиотека должна помочь. – Профессор повернулся ко мне: – Ксюш, ты говорила, что в этом городе она есть, и университет тоже.

Я угукнула с закрытыми глазами. Скорее бы уже в гостиницу и спать.

– Как это может быть использовано в плане оружия? – перебил Николая Ильича Горцев.

– Оружие – это не ко мне, – мягко ответил профессор.

Я вообще, пока была в левом мире, ни разу не видела что-либо похожее. Лишь однажды, когда в Раста стреляли ампулой с транквилизатором. Если оружие и было в империи, то на границе или за ее пределами. А для этого нужно ехать в Африку или Китай.

– Хорошо, тогда начнем с гравитационных волн, дальше посмотрим. – Горцеву обязательно нужно было последнему поставить точку в разговоре.

Прогресс за две недели был незначительным. Однажды я увидела что-то похожее на формулу в мундорете-планшете инженера, но даже не успела ее осознать, как экран схлопнулся. Горцев злился, Николай Ильич успокаивал начальника тем, что процесс потребует месяцы, а то и годы. Тот парировал, что у нас нет этих лет, бросая на меня недовольные взгляды, словно я была виновата в том, что мое зрение ухудшается. Врач, который обследовал меня в очередной раз, сделал неутешительный вывод: атрофия нерва прогрессирует. Пока это меня не слишком беспокоило – иногда в глазах появлялась рябь, изображение на несколько секунд словно расплывалось, делалось нечетким. Но потом опять выравнивалось.

– Пойдем прогуляемся... – обратился ко мне Николай Ильич после ужина. Я удивленно подняла голову. – У меня есть кое-какие мысли, как нам разнообразить свою работу.

Я пожала плечами и встала из-за стола. Гулять я всегда любила. Мы жили в очередном закрытом пансионате на окраине Краснодара, природа вокруг была замечательной, только у

меня не хватало времени ее оценить. Двухэтажные коттеджи окружал лиственный низкорослый лес, а в конце улицы находилось большое круглое озеро, к которому мы сейчас и направлялись. Теплый вечер благоухал насыщенным ароматом конца осени. Не свежим и легким, как весной, а плотным, душистым букетом увядающей зрелости.

За нами увязались два охранника. Без них никуда. Они шли на расстоянии двадцати шагов от нас, но Николай Ильич все равно разговаривал чуть приглушенно.

– Мне было двадцать восемь, когда я согласился работать на правительство, – начал он издали – Молодой, подающий надежды инженер, кандидат физико-математических наук, гордость Политехнического университета. Сначала было интересно и увлекательно, мы с командой ездили по стране, разрабатывали сложные процессы, описывали формулами природные явления, прогнозировали будущее. Времени постоянно не хватало, а на семью и детей и подавно.

Я вопросительно приподняла бровь. Профессор улыбнулся.

– Прости, я уже стар, и поговорить – одно из немногих удовольствий, которые остались. Но ближе к теме, – его голос стал еще на полтона ниже. – Я вижу, что все это не твое, ты здесь как в клетке. Тебя тяготит и эта работа, и жизнь по правилам...

– Очень, – хрипло подтвердила я.

– Если хочешь сбежать – я помогу, – почти прошептал он, – я уже стар, моя жизнь прожита, а у тебя еще есть немного времени, чтобы потратить его с пользой. Я скопил достаточно денег, и близких родственников у меня нет...

Я прервала профессора, взяв за локоть. Выглядело так, словно я оступилась и повисла на мужчине.

– Я могу вам доверять? – прошептала тихо.

– Абсолютно, – ответил он серьезно.

– Мне не нужны деньги. Я сбегу без помощи кого-либо. Знаете, где я была три месяца, когда исчезла? В левом мире. Я вижу проходы между мирами. Они открываются хаотично и постоянно. В прошлый раз открылся на расстоянии четвертого этажа от земли сразу после нашего разговора в Париже. Когда-нибудь я уйду, а вас прошу: после моего исчезновения объясните Горцеву, куда я делась. В левом мире медицина развита до такой степени, что мне могут пересадить новый глазной нерв. Я сделаю операцию и перестану видеть миры. Не нужно мстить моим родным, это бесполезно, я не вернусь. Если смогу – переправлю до операции какую-нибудь литературу по гравиволнам. На этом все.

Глаза у профессора загорелись. Он все-таки был в первую очередь ученым-исследователем, и то, что я рассказала, вызвало у него жгучий интерес.

– Как бы я хотел узнать обо всем, что ты там видела! – он едва сдерживался, чтобы не закричать от восторга. – Все, что ты просишь, я сделаю, но пожалуйста, расскажи хоть что-то... Это же... Ох, у меня мурашки по коже...

Я улыбнулась. Шестидесятилетний мужчина выглядел как маленький мальчик, получивший на день рождения радиоуправляемый квадрокоптер.

– Что успею – расскажу, – произнесла я тихо, – но я могу исчезнуть в любой момент. Телефоны моих родных вы, думаю, знаете...

Он кивнул.

– Итак... Я вышла из портала на крышу одного дома в Лютеции, там жила семья Просперусов...

Успела я немного. За те полчаса, которые у нас были, я лишь немного рассказала о хозяевах империи, о техническом прогрессе, тамошних машинах, планшетах, кривом интернете. Профессор был согласен со мной, что узлом разделения миров, скорее всего, был Иисус. Что такое сакс, он тоже не знал, но предположил, что какой-то метеорит или камень, обструганный определенным способом.

– Ученные давно подтвердили, что даже обычные египетские пирамиды оказывают определенное воздействие на человека, – возбужденно шептал он на обратном пути. – Поле пирамиды влияет на кровеносную и лимфатическую системы. Доказано, что влиянием поля является увеличение биоэнергетики организма. Но в наших пирамидах оно очень слабое.

– Значит, сакс делает то же самое, что египетские пирамиды, но мощнее в тысячи раз? – предположила я.

– Возможно, – Николай Ильич потер руки, – как жаль, что тебе не удалось к нему приблизиться...

Я скривилась. И так едва успела свинтить, чуть не заимев ребенка. А уж разыскивать сакс и вовсе заняло бы кучу времени и сил. Мы попрощались у дверей моего номера. Профессор поцеловал меня в щеку, шепнув, чтобы я не беспокоилась о родных, он сделает все, что в его силах. На глаза навернулись слезы. Что-то в последнее время меня преследует дурацкая карма – заранее прощаться с близкими людьми.

Глава 4

Проход я увидела утром, когда собиралась идти на завтрак. Хорошо, что успела полностью одеться и привести себя в порядок. А евро с брошкой давно были вшиты в лифчик, благо на размер груди никогда не жаловалась, место было. Я быстро схватила сумку, лежащую в коридоре на тумбочке, сдернула с вешалки всю одежду, что там была, и шагнула в неизвестность.

На этот раз дверь открылась в правый мир. Что ж, посмотрим на него ближе. Не то чтобы я горела желанием – напрягали два ощутимых минуса. Во-первых, язык я знала плохо, выучила лишь самые простые бытовые слова. Во-вторых, то, что я успела увидеть, не впечатлило. Мир был слишком религиозным. И пусть в последнее время я изменила мнение и о вере, и о верующих, но постоянное преклонение коленей с поводом и без повода, огромное количество на улицах белых ряс монахов и священнослужителей не могло не напрягать. Плюс низкий технический прогресс, мало городов и почти что натуральное хозяйство.

Я вышла, точнее, выпала, так как была на втором этаже коттеджа, во двор какого-то дома. Упала очень удачно – ушибла бок и растянула лодыжку, всего-то. А могла что-нибудь и сломать. Стиснув зубы, я замотала ногу крест-накрест случайно оказавшимся в руке шарфом, который утащила с вешалки, и встала, поворачиваясь к дому.

Он был одноэтажным, с большим чердаком и высоким цоколем. Почти вплотную к нему примыкали многочисленные хозяйственные пристройки, занимавшие большую часть огороженного двора. Мне повезло упасть на подстилку из сена, по-видимому, остатки стога, который убрали под крышу от осенней непогоды. Обоняние не обмануло – скотины в сараях было предостаточно. По звукам – коровы, козы, куры. Может, кто-то еще.

Оглядываясь, я наткнулась взглядом на стоящую у двери сарая женщину с корытом. Она пялилась на меня круглыми от шока глазами. Женщина была одета в длинный сарафан в пол, на который был наброшен тонкий тулуп до колен. Я же стояла в неизменных джинсах и толстовке, прижимая к себе сумку и ворох одежды.

– Привет! – улынулась я, не сразу сообразив, что здороваюсь по-русски.

– Йасу, – поправилась, вспомнив, как «здравствуйте» звучит по-гречески.

Видимо, вышло не очень, так как женщина нахмурилась и двинулась в мою сторону.

– Неве совяян... – пропела она мелодично. Я с трудом соединила в мозгу два понятия. Перевела как «да пребудет...» или «пусть будет...», может, как-то иначе. Женщина шла ко мне и громко быстро говорила, помогая жестикуляцией. Я почти ничего не понимала, зато понимала, что общаться с людьми в этом мире предстоит мне с большими трудностями.

Так и вышло. В разговоре, который состоялся позже, я мешала все – слова из арабского, греческого, частично арамейские, что помнила. Помогала руками, описывая, как я попала в этот мир. Выходило и смешно и печально одновременно. Через пару дней я кое-как приспособилась, успокоилась и вспомнила, чему меня учила Нина Петровна, преподаватель арамейского. Да и хозяева старались – использовали в речи только простые односложные фразы.

Семья женщины, а ее звали Табита, была небольшой. У нее было двое детей – шестимесячная девочка и четырехлетний мальчик, принявший появление меня в их доме с восторгом и ужасом. Муж Табиты – Иона – целый день работал, как я поняла, в Храме. Все взрослые мужчины и женщины должны были отдать некоторую часть своего времени и, увы, денег на нужды церкви. Табита год как избегала этой участи, пока не подрастет дочка.

Эта обязанность для меня не была нова. Я читала, что раньше и в нашем мире часть доходов, отдаваемых церкви, сначала была добровольным приношением, а потом обязательным. Десятина, так ее называли. Даже сейчас, в двадцать первом веке, в некоторых странах

существует обязательный церковный налог. Но это касается только тех, кто состоит в какой-либо религиозной конфессии. Здесь же в ней состояли все.

Хозяева радушно меня приняли. Жили они не бедно, но и не богато. У них был хороший крепкий дом – Табита объяснила, что дома новым семьям строят поселенцы все вместе и бесплатно. Каждый несет, что может: кто дерево, камень, кто – живность или одеяла. Под навесом стояли знакомые механические приспособления для обработки сада и огорода. Я заметила что-то похожее на небольшой трактор и культиватор. В доме было газовое освещение и плита, работающая на нем же. В общем и целом, конец девятнадцатого века.

Их родители уже «ушли». Я подумала, что умерли, но это было не так. Оказалось, что они ушли то ли в Храм, то ли в монастырь, не поняла точно. Служить Богу, молиться, благодарить или поминать... Выбери любое понятие.

Еда была не слишком разнообразной. Много молочных продуктов, овощей, хлеба. Мяса почему-то не было. Не то чтобы я была жутким мясоедом, но за несколько дней в этом мире я так и не съела ни одной котлетки или колбаски. Хотя в хлеву, а я усиленно помогала Табите в домашних делах, пытаюсь отплатить за гостеприимство, находились две коровы, несколько коз, десяток овец и почти сотня кур. Но все, что семья от них получала, – это молоко, шерсть, яйца. Свиной не было; это было логичным, так как их мясо употреблять в пищу в иудаизме было запрещено.

Разгадка оказалась дикой. Однажды вечером, после ужина, я вызвалась мыть посуду. И вдруг увидела, как по чистой тарелке ползет муха. Жирненькая, наглая, с зеленым отливом. Наверное, залетела из хлева в полуоткрытое окно. Меня передернуло от омерзения. Я быстро взяла мокрую тряпку и прихлопнула эту гадину.

– Стой! Не убивай! Ты что?! – заорала Табита. Я ошарашенно уставилась на женщину.

– В смысле?

– Заповедь «Не убий»!

– Даже насекомых?! Мух, комаров, червяков?

– Никого нельзя. Все живые существа равнозначны, – с ужасом прошептала женщина, бухнулась на колени и принялась истово молиться.

Вот блин, а я думала, почему у них нет мяса на столе... Предполагала, что они веганы, а оказалось – гораздо запущеннее. Я не знала ни одной молитвы, но и она бы мне не помогла. Чтобы загладить вину за убийство, нужно было идти в Храм и молиться лично Богу. Плюс преподнести дар, соответствующий прегрешению.

– Табита, – я умоляюще сложила руки, – никто кроме тебя не видел, что я прихлопнула муху. Давай ты забудешь, и я никуда не пойду?

Женщина побледнела. Подняла руку и пальцем ткнула в потолок.

– Он видит...

Да... Беснадега. Доказывать о глупости и невежестве подобных требований бесполезно. Как говорится, не лезь в чужой монастырь со своим уставом.

– А если бы я придавила муху случайно? Например, не увидела, села на скамейку и – оп...

– Если случайно, то наказание меньше. А если намеренно, как сейчас, то это тяжкое прегрешение.

Дурдом. Абсурд, возведенный в энную степень. Страшно подумать, что грозит настоящему убийце. Или их нет? О войнах мы еще не разговаривали, слишком сложная тема, но, судя по тому, что большая часть «моей» России скудно заселена, городов почти нет, даже поселков мало, плотность населения очень низкая. Куда деваются люди?

Нужно найти библиотеку, так как до планшетов или мундорете в этом мире как до луны. Хотелось бы узнать, из-за чего этот мир стал таким религиозным. Ясно, что разделение случилось две тысячи лет назад. Николай Ильич сразу сказал, что делятся миры одновременно. Что же случилось с Иисусом здесь? Избежал он казни, как в левом мире, или был распят, как у нас?

В доме Табиты и Ионы не было ни одной книги, только какие-то таблички с молитвами. Они висели на стенах вместо картин. Каждый вечер после захода солнца семья становилась на колени и по часовому кругу читала с них молитвы. Точнее, читал Иона, а остальные повторяли.

В правом «моем» мире Горцев с командой закончили меня искать. Несколько дней в пансионате шныряла туда-сюда толпа ищеек с собаками. Не знаю, к каким выводам они пришли, – исчезла-то я из запертой комнаты, – но лицо Горцева с каждым днем становилось все мрачнее.

Глава 5

Храм был прекрасным и величественным. Возвышался над полями и лесами, как невиданное волшебное чудо. Огромный, высокий, белоснежный. При взгляде на это творение замирало сердце. На это и был, видимо, сделан расчет. Даже странно, как при таком слабом развитии технологий люди умудрились создать подобную красоту. Как я поняла еще раньше, все поселения строили вокруг Храма кольцом. Вроде как тот давал свою благодать, силу, дары всем, кто жил рядом. В речи Табиты промелькнуло, что в каждом Храме есть какой-то священный градалис, исцеляющий от любых болезней и выполняющий желания. Я смутно понимала, о чем она говорит, грааль, что ли? Прикоснуться к нему разрешали не всякому. Это стоило огромных, просто немыслимых денег. Некоторые просящие, например, родители умирающего ребенка, отдавали за исцеление все свое имущество и попадали в вечную кабалу к Храму, становясь буквально рабами на всю жизнь.

Каяться отправилась одна. Табита осталась сидеть с детьми, Иона проводил меня до главного входа, проинструктировал и вернулся на работу – копать храмовый пруд.

Мне предстояло преподнести дары, которые дала Табита, и помолиться перед статуей Бога. Неудивительно, что Храм такой роскошный и жрецы живут припеваючи, если за убийство насекомого нужно принести две буханки хлеба, головку сыра, крынку сливок и десяток медных монеток в придачу. Мне было ужасно стыдно, ведь семье, что меня приютила, за мою оплошность пришлось потратиться.

Внутри было еще краше. Мрамор, позолота, хрусталь, огромные окна и барельефы – все было создано для того, чтобы простые люди, попавшие сюда впервые, упали на колени от потрясения. Точнее, от контраста между их домами и «домами» священников. Гигантский арочный зал с колоннами и куполом над головой угнетал. Делал из человека букашку, наглядно демонстрируя превосходство над смертными. Войдя в Храм, я инстинктивно вжала голову в плечи, а потом выпрямилась и внимательно осмотрелась.

По кругу купола бежала нить, похожая на люминесцентную. Она же обводила контуры дверей и окон. Узконаправленные прожекторы освещали фрески и роспись на стенах. А в центре было что-то вроде 3D лазерной установки, проецирующей огромную статую Бога, парящую в высоте. И музыка. Тихая, нежная, льющаяся из маленьких плоских колонок, замаскированных под фрески.

Разрыв шаблона! Внутри храма был как минимум конец двадцатого века, тогда как снаружи царил девятнадцатый.

Справа подошел молодой человек в рясе. Худощавый, безбородый, совсем юный, на вид семнадцать – восемнадцать максимум. Он что-то быстро сказал. Я ничего не разобрала, но логичным было бы предположить, что он поинтересовался, зачем я здесь.

– Пришла покаяться за убийство мухи, – четко отбарабанила фразу. Утром Табита заставила меня заучить несколько ходовых. Одной из них была эта.

Протянула узелок с продуктами и вытащила из кармана десять монет. Священник бросил на меня странный взгляд, кивнул с задержкой, произнес что-то типа «иди» или «идем», я еще плохо разбиралась в склонениях, и направил в комнату для подношений. Я положила котомку на стол, а серебро сыпала в красивый кувшин с широким горлом, на дне которого заметила блеск монет. Вроде все правильно сделала.

Священник внимательно следил за каждым моим движением, явно что-то подозревая. Или моя внешность роль сыграла, или чудовищный акцент, когда я говорила, а может, ни грамма понимания в глазах, когда говорил он.

Мы вошли в соседнюю дверь. Сначала я думала, что за ней кабинка для исповеди, но нет – парень привел меня в полноценную комнату, таких комнат было много, вдоль правой стены

я насчитала около десяти сияющих дверей. В центре стояла статуя, предполагаю, Иисуса, так как присутствовал и крест, и «бедняцкая» тога, в которую он был одет, и посох, и характерные «еврейские» черты – длинный тонкий нос, узкое вытянутое лицо, красивые миндалевидные глаза.

Табита заверила, что разговаривать и просить прощения я буду наедине с Богом, поэтому бояться нечего: покаешься своими словами на любом языке – и все, Он услышит. Но любопытный священник не ушел. После того, как я опустилась на колени, встал сзади у выхода и принялся сверлить мою спину пристальным взглядом. И что теперь делать? Можно, конечно, молиться шепотом или вообще про себя, что я и сделала.

– Кто вы? – медленно выговаривая слова, произнес он после того, как я «закончила». – Откуда прибыли в Таргум?

Я молча поднялась и развернулась лицом к юноше, мысленно прикидывая, что сказать, выстраивая в уме фразу из более-менее знакомых слов. А он, оказывается, умный и смывший. Сразу понял, что я нездешняя. Вдруг глаза церковника изумленно расширились.

– Вы повернулись к Богу спиной?!

Вот это попадалово. Я покосилась на статую, пожала плечами и прошептала виновато в сторону:

– Извините... – Непонятно, кому нужны мои извинения – Богу или его служителю.

– Идите за мной, – парень поклонился в сторону статуи, спиной вышел через дверь и замер, ожидая меня в проеме.

Делать было нечего. Ну не убьют же меня, в самом деле? Не помню, чтобы Табита предупреждала о таком, но, если честно, бесконечные вечерние и утренние наставления утомили, уж слишком их было много. У меня сложилось впечатление, что правил и регламентов в этом мире больше, чем звезд на небе. Неудивительно, что какие-то из них прошли мимо меня.

Утром я еще раз заскочила на пруд проверить бревно, на котором мы сидели с Николаем Ильичом в предпоследний день. Увидев маленькую записку, приколотую булавкой к коре, с надписью «я все сделаю», запрыгала от счастья. Профессор понял, куда я ушла. Одной проблемой меньше.

Священник молча вел длинными запутанными коридорами, иногда коротко оборачиваясь, проверяя, иду ли я за ним. Я тоже молчала. Во-первых, лишний раз открывать рот – себе дороже. Что путного я могла сказать, имея в собственном словаре около тысячи слов? Во-вторых, меня явно вели к вышестоящему руководству, так как коридоры, по которым мы шли, были отделаны деревянными панелями, фресками и мраморными барельефами. Уж точно не похоже на тюремные казематы.

Ждать левита – так его назвал мой спутник – нам пришлось около двух часов. Час в каком-то пустом, холодном каменном мешке без окон и мебели, следующий час непосредственно у двери кабинета. И все это время мы стояли. Вокруг не было ни стульев, ни диванов, ни кресел, ни даже малюсенькой лавочки. Сначала я рассматривала коридор, потом молодого священника, который тоже бросал на меня украдкой любопытные взгляды, а в конце уже просто закрыла глаза, прислонилась к камню и старалась не опуститься на пол, так как ноги дрожали от усталости.

Вдруг дверь кабинета открылась, и из него вышла Табита. В ее глазах дрожали слезы. Она бросила на меня виноватый взгляд и быстро посеменила прочь. От потрясения у меня открылось второе дыхание, я взбодрилась и выпрямила спину. Быстро сориентировались, церковники. Но как? Парень не отходил от меня даже на минуту, только во время «молитвы» я стояла некоторое время спиной и не видела, где он и что делает. Неужели у них есть мобильные телефоны или пейджеры?

– Заходите, – громкий, хорошо поставленный голос прозвучал из глубины. Говорил словно оперный певец. Священник склонил голову, давая мне возможность пройти первой.

Кабинет выглядел так, как бы выглядел кабинет какого-нибудь важного человека в моем мире. Добротная деревянная мебель, в шкафу книги в толстых переплетах, в углу странное приспособление, типа кулера и кофеварки в одном флаконе. И да – электрическое освещение. На столе стояла красивая изогнутая лампа зеленого цвета. Также я заметила непонятную аппаратуру с кнопками. Коммутатор, пишущая машинка или аналог компьютера?

Разговор иссушил меня до донышка. Пришлось рассказать правду. От Табиты они уже знали, что я появилась из ниоткуда, выпав на землю с воздуха, почти не умела говорить, не знала ни одной молитвы и так далее. Мне не дали ни единого шанса что-то утаить. Куда там Горцеву с его прямолинейными угрозами. Левит давал фору и Фабию с его мягкой бархатной тиранией, и даже моей маме с ее психологическими приемчиками.

Со мной он разговаривал медленно, тщательно выговаривая слова, со своим коллегой – бегло, используя такие сложные конструкции, что я понимала лишь предлоги.

За сумасшедшую меня не приняли, это плюс. А минус... Левита очень испугало то, что есть другие миры и что некоторые люди могут их видеть. Так, как бы испугала любой тоталитарный режим возможность инакомыслия.

Больше всего я боялась, что меня сожгут на костре, как ведьму. Читала, что в древности подобным образом решались все непонятные проблемы. Но, оказывается, церкви интересны иномирцы. Левит отдал распоряжение доставить меня в Византий к первосвященнику. Тот и будет решать мою судьбу. Предполагаю, первосвященник – кто-то вроде папы римского у нас. Я порылась в памяти: Византий, Византия... Не Константинополь ли? Точнее, у нас он Стамбул. Далеко ехать придется. А так как в поселке я видела лишь телеги с лошадьми, то представляю, сколько займет дорога.

Переночевать разрешили в доме Табиты и Иакова с условием, что на рассвете я сама приду к воротам Храма. Женщина сокрушалась, но в ее глазах я заметила облегчение. Они были рады избавиться от непонятной и опасной гостьи. Я тоже была рада уехать. Деревня Табиты состояла из полусотни одинаковых домов; вдалеке, на равном удалении от Храма виднелась еще одна такая же. И еще, и еще. Больше ничего интересного вокруг не было. Если бы мне разрешили, я бы лучше занялась исследованием Храма, но внутрь обычных людей не пускали, лишь в комнаты для молитв. Поэтому поездка в столицу стала для меня идеальным выходом. Моей конечной целью был левый мир и операция на глазах, но пока не откроется проход, почему бы не изучить правый мир заодно?

Мне хотелось отблагодарить семью Табиты за гостеприимство, но, увы, ни евро, ни айфон не подходили, а брошь было жалко до слез. Она – единственное, что у меня осталось от семьи. В итоге я стянула с запястья часы. Их подарил мне Саша Михеев на день рождения. Выглядели часики отлично, больше как украшение, чем как необходимый аксессуар. Тоненькие, изящные, из серебра, с висюльками на браслете. Я протянула их Табите со словами благодарности. Она запричитала, отпихивая подарок. Скорее всего, посчитала слишком дорогим. Мне же расставаться с подарком бывшего бойфренда было легко. Я насильно натянула их на руку женщины, чмокнула в щеку и вышла за дверь.

Сопровождающим назначили Хаддату, вчерашнего молодого священника. Я искренне удивилась, когда увидела возле ворот что-то наподобие автомобиля – небольшой прямоугольный фургон на шести колесах с полукруглым рулем и сидениями внутри. Машина была очень похожа на наш вездеход. На ее боках были нарисованы купола Храмов, а понизу и вверх шла красивая вязь, видимо, опять какая-то молитва. Хаддат пригласил меня внутрь, сам сел за руль, и мы медленно тронулись.

Табита рассказывала, что светская власть у них тоже существует. Градоправитель, или мэр, по-нашему, следит за налогами, торговлей с другими поселками, ремонтом домов, строительством дорог и так далее. Есть даже король – самый главный над градоправителями, но у храмовников все же больше власти. Такой строй у нас называют теократией, дословно – прав-

ление Бога. Строй, когда власть в государстве находится в руках духовенства. Очень давно в нашем мире ушлые царьки сообразили назвать себя помазанниками божьими и перехватить власть у церкви. Видимо, здесь этого сделать не удалось.

Глава 6

Добираться до Византия пришлось почти месяц, объехав по дальнему кругу Черное море, по местному – Яма Де Эсведу. На ночлег останавливались в Храмах, если они были по пути, отдыхали, брали еду, заправляли топливом машину. Если Храмов по пути не было – ночевали в домах крестьян. Священника разместить и накормить было честью, и денег никто за это не брал. Нашу машину было видно издалека. С одной стороны, автомобили вообще были только при Храмах, а с другой – она вся была разукрашена церковными регалиями.

Через неделю я сносно говорила на бытовые темы: привет, спокойной ночи, приятного аппетита, буду вино или воду и так далее. К концу второй недели даже умудрялась вести разговор на более сложные темы. А через месяц почти не испытывала проблем в подборе слов. Конечно, ни о медицине, ни о машиностроении мы не разговаривали.

Хаддат интересовался всем на свете. Сначала робко, несмело, а спустя время уверенно и требовательно выпрашивая меня о других мирах. Оказывается, он был моим ровесником, летом ему исполнилось двадцать три. Но вел себя, как застенчивый подросток, краснел с поводом и без повода. Его отдали в служение Храму в десять лет, как часть долга в уплату отцом искупления за убийство соседа. Непредумышленное: ссора за границу земель переросла в драку, отец оттолкнул обидчика, сосед неудачно упал – налетел головой на камень. Жизнь за жизнь звучит почти как око за око. Таких, как он, было много. Бедные семьи нередко и сами отдавали детей в услужение. В Храмах они хотя бы не будут голодать, смогут подняться по карьерной лестнице, выучиться читать и писать.

Вот я и выяснила одну из причин слабой плотности населения – много народу работают священнослужителями, а те, как в этом мире полагается, соблюдают целибат. Соответственно, детей не рожают. Кстати, девочек тоже отдавали, они учились и работали при монастырях. Храм – вотчина мужчин.

Государство в государстве какое-то.

– А в вашем мире женщины правят? – осторожно поинтересовался Хаддат. Я вспомнила Ангелу Меркель, Маргарет Тэтчер, Елизавету II и с уверенностью заявила:

– И очень успешно. Женщины менее агрессивны, чем мужчины, больше уделяют внимания развитию медицины, образования, искусства, а не развязыванию войн... Их правление часто называют золотым веком.

Я могла разговаривать о своем мире бесконечно, но и спрашивать не забывала.

Здесь абсолютно все было во власти церкви. Она назначала королей и чиновников, обязательная десятина, бесплатный труд и постоянные «покаяния» давали ей несметные богатства. Именно при Храмах существовали библиотеки, собирались научные труды, предметы искусства, археологические находки. Простые люди, живущие в поселках, в своем большинстве даже писать и читать не умели. Да и нечего им было читать – книги были сплошь религиозной тематики.

– А вот в городах, говорят, даже общественные школы есть, – с воодушевлением рассказывал Хаддат.

Крещение, еженедельное исповедование, заключение брака, последний обряд... Бесконечные обязательные ритуалы, стоящие немалых денег. И если люди не могли платить за них, то долги накапливались невероятные. Крестьяне по гроб жизни были обязаны горбатиться. Зато богатые могли попросить церковь через нее обратиться к Богу и что-нибудь пожелать. Я толком не поняла, градалис действительно исполняет желания? Как золотая рыбка из сказки?

Хаддат не смог объяснить внятно. Или моего словарного запаса не хватило, чтобы понять. Вроде как Иисус нашел камень в пустыне, который разделил на осколки и раздал апостолам. Эти осколки и стали сердцами первых Храмов. А чтобы в каждом Храме было по гра-

далису, приходилось их дробить. Только в Византии остался еще тот, самый первый большой осколок.

И вдруг мне в голову пришла мысль – а не сакс ли это случайно? Тот камень, что нашел Иисус?

– Он реально исполняет желания? – скептически поинтересовалась. Слабо верится. Уж я-то знаю, как церковь умеет жонглировать понятиями о чудесах, божественных явлениях, сверхъестественных исцелениях и так далее.

– Конечно! – пылко заверил Хаддат. – Я сам видел! Только в нашем Храме маленький осколок. Чтобы получить что-то великое, нужно ехать в Византий. Людям объяснили, что камень как связь-усилитель с Богом.

«Ага, антенна», – мысленно усмехнулась я.

– Чем больше градалис, тем сильнее связь, тем лучше Он слышит просьбу.

А что, объяснение не лучше и не хуже многих. Ушлые церковники.

– А ты хоть раз что-то желал?

– Нет, – он грустно улыбнулся, – кто мне позволит к нему приблизиться... А чтобы заработать и купить желание, простому человеку не хватит и жизни.

Странно, в левом и правом мирах есть сакс и градалис. Почему в нашем мире о нем не слышали? Потому что Иисуса казнили, и он не успел рассказать? Или камень где-то спрятан, и доступ имеют лишь избранные?

Византий был прекрасен. Я несколько раз была в Стамбуле, но он со своими бесконечными мечетями, узкими тесными улочками, грязными базарами ни в какое сравнение не шел с древним христианским городом. Собора Святой Софии не было, зато почти на его месте стоял Собор Машиах, в переводе – Собор Христоса, Мессии.

Нас разместили в одной из бесконечных пристроек Храма, что-то типа гостиницы для просящих. Большинство народу рвались посетить первосвященника, некоторые – градалис. Тех сразу было видно по роскошным одеждам, многочисленным золотым кольцам на пальцах. Оказывается, в этом мире тоже были богатые люди и немало.

Столовая была общей, и для мужчин, и для женщин. Кормили бесплатно, это плюс. А минус – принцип равноправия, то есть очередь шла четко по графику, нас записали две тысячи тридцатыми. Я пригорюнилась. Это сколько же нужно будет ждать, чтобы попасть к первосвященнику?

С другой стороны, исследую город, посещу библиотеку, узнаю, наконец, из-за чего миры разделились. Местную версию. Хаддат тоже был в Византии впервые, и его тоже пришибло восторгом от невероятной красоты города и Храма. В левом мире Византий назывался Гальбой, он был не такой громадный, как Стамбул, в нем не было величественных храмов и базилик, как в Византии, зато были театры, музеи, огромные площади, украшенные клумбами и мраморными статуями, величественные арки, освещенные яркими шарами. И мне этот город нравился гораздо больше остальных, даже больше родного Стамбула.

Увы, книгу, которую мне удалось случайно увидеть в руках Хаддата, прочитать я не смогла – слишком сложная вязь, времени на тщательный анализ не было. Да и не пускали женщин в хранилища знаний. Значит, придется искать другие способы.

После нескольких дней сидения в келье без книг, игр, телевизора и других развлечений, я взвыла. Хаддат на мои жалобы посоветовал молиться. Я напредила, что не из этого мира и ни одной молитвы не знаю. Тогда он разрешил выйти наружу и погулять по территории Храма. Одежды у меня было немного. Особенно в свете того, что женщинам запрещали ходить в штанах, значит, джинсы под запретом. В итоге сверху на штаны я надела сарафан, подаренный Табитой, и толстовку. На шее – шарф, на ногах – кеды. В общем, выглядела я сногшибательно, видимо, поэтому на меня поголовно все оборачивались.

Весь центр города – в нашем мире этот район назывался Фатих – был отдан под нужды главного Храма Машиах. Этаким город в городе. Здесь были и мастерские, и швейные цеха, и пекарни, и много всего другого. Но больше всего было молелен и колоколен. С одной стороны, было красиво, если смотреть на все это с точки зрения туриста. С другой – напрягало, если жить здесь постоянно. Освещение было электрическим и газовым, по улицам ездили автомобили и телеги, запряженные лошадьми. В общем, эпохи перепутаны, диссонанс резал глаза.

Прошло две недели. Очередь уменьшилась лишь на треть. Я гуляла по храмовой территории, часто с Хаддатом. Хоть он и говорил, что не имеет права близко общаться с женщинами, но я была его подопечной, и это немного искупало его вину. Но трогать он меня боялся, как огня. А я специально провоцировала, брала за руку, касалась плеча, а когда он испуганно дергался и краснел, только лукаво улыбалась его дикому целомудрию.

Бедный парень. В этом возрасте ему бы ходить на свидания, встречаться с девушками, целоваться, заниматься любовью, играть в компьютерные игры, баскетбол и теннис, танцевать, посещать клубы. А он учит псалмы и молится по десять раз на день.

Глава 7

Погода стала заметно прохладнее. В нашем мире по календарю началась зима. В Стамбуле, как и в Визании, она, конечно, была мягкой, в дневное время еще ярко светило солнце, и можно было ходить в легкой одежде. В один из дней на прогулку я выбралась одна. Хаддат с утра отправился в канцелярию первосвященника подробно описать секретарю цель нашего визита. Все так делали, когда до аудиенции оставалась половина очереди.

На Храм можно было смотреть бесконечно. С разных сторон он выглядел по-разному, но лучше всего – со стороны залива и на большом расстоянии. Туда я и отправилась – сделаю пару фотографий на память. Вдруг, поворачивая за угол, нос к носу столкнулась с Растусом. В первое мгновение я даже его не узнала, так он был не похож на себя. Если бы он чуть не замешкался, читая что-то в своем трансе, то я и вовсе прошла мимо, не разглядев.

Я ошарашенно застыла. Раст был серьезным и хмурым, лоб прорезала вертикальная морщина, которой раньше не было. Лицо выглядело чужим, незнакомым. Бриллиант в ухе пропал, не осталось и следа от отверстия. Одет в темно-серый свитер крупной вязки, кожаный жакет и темные брюки, что выглядело странно, так как я привыкла его видеть в легких струящихся одежках, броских, дорогих, расшитых узорами. Что он здесь делает, еще и пешком? Курирует эту провинцию? Или приехал по работе?

Домин, закрыв экран транса, сунул его в карман и направился в один из домов поблизости. Я подняла голову и прочитала вывеску на латинском «Центр трансплантации». Только сейчас я заметила, каким огромным и величественным было здание в левом мире, в центральном же на этом месте тоже был дом, но гораздо меньше и не такой пафосный. Похож на склад или ангар. Внутрь попасть не было никакой возможности. Ворота закрыты на амбарный замок, на окнах ставни.

Я присела на каменный бордюр и принялась ждать. Неожиданная встреча с домином потрясла, открыв внутри какой-то шлюз. Поток хлынули воспоминания. Наши жаркие пикировки, прогулки по пляжу, встречи у бассейна, сумасшедшие поцелуи. А ведь из двоих братьев только Растус смотрел на меня всегда одинаково. Фабий лишь однажды выразил восхищение, на ужине, когда на мне было баснословно дорогое платье из паучьего шелка и драгоценности. Наверное, по его представлению так и должна выглядеть женщина, достойная домина. А не в простом комбинезоне, халате или длинной объемной футболке, в чем я постоянно встречалась у бассейна с Растом. Тому было все равно и во что я одета, и что говорю. Наоборот, чем сильнее я ругалась и язвила, тем громче он смеялся. И, по-моему, был искренен.

Резко заболело сердце, заныло мучительно и остро, словно кто-то проник внутрь и сжал его в кулаке. В памяти всплыли слова: больше ни на кого не посмотрю, кроме тебя, никого не захочу, кроме тебя. Почему я не вспоминала их раньше?

С одной стороны, лестно. Уже тогда на Родосе я понимала, что нравлюсь Расту.

С другой – как надолго? Фабий говорил, до пятидесяти молодые домины вольны делать что угодно. Почти что угодно. Значит, Растусу оставалось двадцать лет свободы. Капля для возраста домина и треть нормальной жизни для обычного человека. К его пятидесяти мне исполнится сорок три. Уже закат. Молодость утеряна безвозвратно, впереди – морщины, седина, одиночество, отсутствие семьи, детей. Даже если он не бросит меня раньше, то после сорока трех бросит точно.

Хотела бы я такой жизни для себя? Нет, ни за что. Значит, никакой влюбленности с моей стороны. Я рассудительная, я смогу.

Раст не выходил из здания почти два часа. За это время я успела замерзнуть, обойти склад несколько раз, позаглядывать в щелочки ворот. Центр трансплантации в левом мире был огромен, склад же занимал едва ли десятую его часть. Но за складом возвышался высо-

кий забор, а вплотную к нему располагалась пекарня. Мне удалось лишь краем глаза увидеть первый этаж медицинского центра, какие-то подсобки с оборудованием, стеллажи с архивами, туалетные комнаты. Широкие лестницы вели вниз в подвалы и на второй этаж. По ним сновали мужчины и женщины, одетые в голубоватые закрытые комбинезоны. Растуса видно не было.

Я уже было засобиравалась назад, как домин вышел на широкое мраморное крыльцо. За ним следом выскочил пожилой мужчина. Он тыкал в бумаги и что-то яростно доказывал. Раст отмахнулся, передернул плечами, словно от холода, и быстро спустился с лестницы. Мужчина покачал головой, тяжело вздохнул и скрылся за дверью.

Я побежала за домином. Со спины он выглядел абсолютно чужим человеком, отрешенным, уставшим, измотанным. Он быстро шел по улице, ссутулившись, утопив подбородок и скулы в воротник, ни на кого не глядя. Где та пафосная мишура в виде белоснежной коги, на которой он разъезжал по Лютеции, вышитого серебристыми нитями костюма, обуви ручной работы, украшенной драгоценными камнями? Где безграничное превосходство в глазах над простыми смертными? Его словно поменяли на другую версию.

Через двадцать минут мы вышли на набережную залива Золотого Рога. Растус подошел к одной из похожих друг на друга, как близнецы, двухэтажных вилл из белого камня, возвышающихся на берегу, открыл калитку, пересек небольшой двор и вошел внутрь. Дом был явно жилым. Миленький, чистенький, на вид около ста пятидесяти или двухсот квадратов, даже меньше, чем дом Просперусов в Лютеции. Хорошо, что на месте виллы в мире, где я сейчас находилась, ничего не было построено. Набережная была отдана под церковные фруктовые сады. Я могла свободно войти и все рассмотреть. Увы, только первый этаж.

Раст прошел через холл, сбросил на кресло куртку, взъерошил волосы и что-то крикнул в глубину дома. Наверное, ему ответили, так как потом домин зашел ванную комнату. Я шла за ним, как на привязи, не в силах оторваться. Жутко соскучилась. Даже не была уверена, что отвернусь, если сейчас он начнет раздеваться и принимать душ. Но он лишь тщательно вымыл руки и умылся. Потом прошел на кухню, где пожилая полная женщина в цветастом фартуке принялась накрывать на стол. Значит, собирается обедать... Мой желудок сразу же отозвался громкой руладой, вспоминая, что сама я ела много часов назад.

Почему домин живет в таком не статусном доме с минимумом мебели, стенами в обычной побелке, без картин, скульптур, украшений? Он, который возмущался «нищенским» помещением на Родосе. Почему мне встретилась всего одна работница, и та кухарка? Почему он ест обычную жареную треску и не требует десяти перемен блюд, которые ему подавали раньше? Когда он настоящий – сейчас или полгода назад?

Жаль, но после обеда Раст поднялся на второй этаж и там пропал. Я еще немного походила по первому этажу виллы, рассматривая мебель, предметы быта, шары электы под потолком, знакомые летающие пылесборники, брошенную рамку мундорете на столе. Тоска скрутила неожиданно сильно. Неужели, я действительно хочу вернуться в империю? Не потому, что есть вероятность сделать операцию, а потому, что мне там очень нравилось?

Слезы навернулись на глаза. Я не глядя вышла через стену виллы и чуть не врезалась в Хаддата.

- Где ты бродишь? – он был взволнован. – Я уже два часа тебя ищу.
- Смотрела на свой мир, вспоминала, – соврала почти непринужденно.
- Ты опоздала на обед, я взял тебе хлеба и сыра.
- Спасибо, – ответила, криво улыбнувшись.

Есть перехотелось. Солнце скрылось, и на улице похолодало. Я зябко поежилась. Не хочу уходить далеко от дома Раста, словно его небольшая уютная виλλα внезапно стала и моим домом тоже. Словно посетив ее, я оставила в ней что-то важное, бросила якорь, изо всех сил тянущий меня обратно.

Я тряхнула головой.

– Пойдем, хочу успеть на ужин.

Подняла голову к небу и вдруг увидела над деревом открывшийся портал в левый мир. Он почти сразу схлопнулся, но мелкая птичка, то ли воробей, то ли славка, успела туда влететь. Я хмыкнула. А ведь и у нас иногда находят странных существ. Их выбрасывает океан, жутких, изломанных, чуждых. Может быть, они так же залетели к нам случайно, как и эта птичка?

Глава 8

Теперь каждый день у меня начинался и заканчивался одним и тем же – я сталкерилась за Растом. Утром приходила к вилле, днем караулила у центра трансплантации, вечером опять на набережную. Был еще один дом, одноэтажный и неприметный, куда он навещался. Туда дорога мне была заказана – дом находился на закрытой территории Храма. А иногда Раст вообще уматывал через мост на другой берег на своей коге. Тогда весь день я была предоставлена самой себе и дико скучала.

Во всем этом было какое-то извращение. Я никогда не думала, что могу наслаждаться, подглядывая тайком за жизнью другого человека. Нет, я не ходила за ним в душ и туалет, но иногда позволяла себе приблизиться к домину на минимально опасное расстояние. Тело к телу, лицом к лицу. И это волновало.

Однажды я застала его спящим. Прошлой ночью Раст так и не явился домой, я ждала почти до полуночи, обиделась и решила больше не приходить. Но утром, как обычно, очутилась на набережной у его виллы. Домин полулежал на кушетке в гостиной, полностью одетый, в ботинках, шарфе, словно на минутку присел отдохнуть и заснул.

Я села на корточки и замерла, рассматривая знакомые черты. Скулы ослабли, линия рта стала мягче, вертикальная морщинка исчезла, длинные темные ресницы ложились тенью на щеках. По-моему, он похудел. И так длинный, нос стал еще длиннее, а подбородок – острее. Как бы я хотела сейчас к нему прикоснуться. Провести ладонью по волосам, дотронуться до пульсирующей вены на шее, положить ладонь в район сердца, чтобы почувствовать его сильные ритмичные толчки. Даже пальцы закололо.

Я резко отшатнулась. Да что со мной происходит? Совсем спятила? От скуки, вероятно. Надоело сутками сидеть в крошечной келье или гулять по одним и тем же маршрутам. В город не пускали, на мосту стражники проверяли документы. Огромная территория Храма хорошо охранялась, поэтому, видимо, и не боялся Хаддат, что сбегу. Бежать-то было некуда. А Раст – старый знакомый, оказавшийся лучом света в этом деспотичном мрачном мире.

Вечером вилла Растуса сияла разноцветными огнями. Огромные шары плавали чуть выше крыши, ярко освещая двор. У бассейна толпилась молодежь. Я заметила пару доминов, они хорошо выделялись в общей массе – ненормальной красотой, грациозностью движений, величавыми фигурами, высокомерным выражением на скупающих лицах. Радовало, что основная часть гостей были простыми людьми. Да, богато одетыми, увешанными драгоценностями, выглядевшими карикатурными подделками под доминов, но людьми. Ну вот, а я боялась, что Раст изменил своим привычкам. Не изменил.

Но где же он сам? Я обошла кругом двор, вскользь рассматривая танцующие парочки. Зашла в дом, там тоже былолюдно и весело. На столах куча выпивки, закусок, каких-то странных тонких пластин, трубок, похожих на сигареты. Наркотики, что ли?

Я прошла сквозь стены на кухню, потом в кладовую, повернула направо и очутилась, видимо, в кабинете. По крайней мере, несколько стеллажей с книгами я успела заметить, прежде чем глаза уткнулись в... Вот черт.

Я охнула и отвернулась. Меня словно кипятком ошпарили. Взгляд выхватил развратную сцену, я сразу же закрыла глаза и бросилась прочь, натываясь на деревья, но память не была столь милосердна. Она со скрупулезной точностью воспроизвела на подкорке все, что пару секунд наблюдали глаза.

Растус сидел в кресле с широко расставленными ногами. Между его ног на коленях сидела девушка и ритмично опускала голову. Она была худощавой и полностью одетой, но это не главное. Ее волосы... Они были светло-золотистыми, падали ниже плеч и завивались мелкими кудряшками. Я словно увидела себя со спины. Раст смотрел на девушку сверху вниз

нечитаемым взглядом, а его рука сжимала ей затылок, сильно, грубо, так, что на предплечье напряглись мышцы. Губы были крепко сжаты, ноздри трепетали, словно приносясь. Кошмар!

Я уткнулась лбом в шершавый ствол дерева. Меня колотило, кожа покрылась мурашками. Господи! Да не люблю я Раста. У нас было одно недоизнасилование, один полноценный поцелуй и несколько дружеских бесед, разбавленных шутками. А страсть если и была, то прошла за полгода. Почему же я чувствую себя так, словно мне вогнали кинжал в живот?

Час я бродила по саду, не приближаясь к дому. Аффирмации помогли успокоиться, а холодный воздух остудил разгоряченную кожу. Ничего страшного, я видела в Интернете сцены и более откровенные, благо порно в свободном доступе. Раст был и остается моим другом. Ничего другого я и не предполагала, ни на что другое не надеялась.

Несколько дней я сдерживала себя от посещения виллы. А когда наконец пришла, то увидела запертую дверь, замок на калитке и ни единой живой души вокруг. Стерильная чистота на кухне, в гостиной, кабинете. Нет ни одежды, ни обуви, ни каких-либо личных вещей. Даже кога пропала с заднего двора.

Уехал. Значит, то была прощальная вечеринка.

Я не дала себе погрязнуть в депрессии. Усилием воли отодвинула в сторону сожаление и тоску, быстро найдя причину – свой эгоизм. Мне просто было скучно. А наблюдение за домином меня развлекало. Я – идеальная шпионка. Вот бы и Фабия найти, посмотреть, что он делает. А еще лучше – обнаружить компромат и шантажировать потом. Чтобы не лез с разными предложениями и договорами.

Хаддат, краснея и заикаясь, предупредил, что уже через неделю нас примет первосвященник. Попросил выучить несколько молитв и вообще научиться вести себя прилично, то есть незаметно и покорно, как подобает женщине. Очень хотелось зло огрызнуться, сдержалась из последних сил.

– Постараюсь, – процедила сквозь зубы, – но у меня есть просьба.

– Какая?

– Расскажи об Иешуа, – я уже прознала, как здесь называют Иисуса. – Его биографию, кто он, откуда, где родился...

– Что? Да ты... – Парень сипло закашлялся. Лицо покраснело, жилы проступили на шее. Кое-как взяв себя в руки и успокоившись, он произнес: – Бог не обычный человек. У него нет биографии. Есть деяния, которые он оставил на земле, чудеса, которые он явил нам, простым смертным...

– Ладно, ладно, – прервала я начало бесконечного эпоса, который он мог задвигать часами, – тогда меня интересуют его деяния перед распятием.

– Ты имеешь в виду перед попыткой грешников казнить Бога?

Ага, значит, и в этом мире Иисус выжил. Отлично.

– Именно это я и имею в виду. В нашем мире его все-таки распяли, и он умер на кресте. – Несколько минут я любовалась ошарашенными глазами Хаддата. Он выглядел так, словно собрался упасть в обморок.

Через несколько минут Хаддат все-таки взял себя в руки и, запинаясь, рассказал, что Иешуа отбили переодетые легионеры, как потом оказалось, посланные прокуратором Иудеи, когда Мессия шел к месту казни. Затем Пилат с верными людьми присоединился к учению Христа и везде следовал за ним, охраняя и защищая Его. И в конце концов стал Его первым апостолом.

Значит, Понтий Пилат освободил...

Стоп. А почему я решила, что ключевым элементом разделения миров был Иисус? От него же в тот день ничего не зависело. Не был ли узлом прокуратор? Человек, который рискнул или не осмелился рискнуть спасти философа? О нем не осталось никаких глубоких сведений.

В левом мире, проводив Йегошуа к императору, он уехал в свою провинцию, а в нашем после казни Иисуса Пилат слетел с катушек – начались массовые казни, издевательства, грабежи. Неужели это его так совесть мучила?

Значит, узел – не знаменитость, не великий человек, а маленький винтик, обыватель... Такой, как я, например?

Лежа на узкой кушетке в крошечной келье, я размышляла. Иисус, скорее всего, был первым домином. Как он им стал и где обнаружил сакс – дело второстепенное. Главное – почему он, умевший многое, смиренно пошел на крест? Он мог освободиться сам, заставить стражников отпустить себя. Мог даже не умереть от копья, если бы захотел. Но он умер.

Или в этом и был смысл – дать выбор людям поступить правильно, по совести? Или дать выбор одному человеку? Человеку, который и станет узлом в истории мультивселенной?

Глава 9

Первосвященник был стар. Глубокие морщины разрезали лицо неровными бороздами, делаая его уродливым, сморщенным, как грецкий орех. «В человеке все должно быть прекрасно...» Этот человек, походу, был жутким тираном и диктатором. Он не дал мне и рта раскрыть – зря потратила время на зубрежку молитвы. Прочитал листок от секретаря, задал несколько вопросов Хаддату. Потом поднял на меня тяжелый взгляд, бетонной плитой припиливая к полу. Я дала обещание своему сопровождающему, что не буду первой заговаривать с первосвященником, буду кроткой и смирной, но как же трудно было сдерживаться!

В итоге, после нескольких минут разглядывания, в течение которых я чувствовала себя мерзким паразитом, причем раздавленным, церковник начал говорить. Его грозное шамканье понимал лишь Хаддат, потому что с каждым словом он съеживался все сильнее и как будто становился меньше. Я же вычленяла лишь отдельные слова. Нужно. Должен. Писать. И тому подобное. В конце злобный старик махнул рукой в сторону двери, и Хаддат быстро вывел меня наружу.

– Что он сказал? – не удержалась я. – Что со мной будет?

Священник быстро шел по коридору, я едва поспевала. Сам он никогда не брал меня за руку и быстро уклонялся, когда я случайно касалась его. Вот и сейчас он дернулся от моей руки, как ошпаренный. Я забежала вперед, увидела покрасневшие глаза парня и слезы, дрожащие на ресницах.

– Хаддат, что случилось? – поинтересовалась уже мягче. Очень хотелось обнять, по-дружески, как брата, но боялась, что сделаю только хуже, если нас кто-нибудь увидит.

Парень прислонился к стене, несколько раз глубоко вздохнул и быстро забормотал молитву. Может быть, он так успокаивается? Его волнение и слезы пугали. Неизвестность всегда пугает. Успокаивала себя тем, что я пока не в кандалах и не под стражей. Скорее бы открылся портал в левый мир, этот напрягает меня все больше.

– Первосвященник приказал записать все, что ты сможешь вспомнить о своем и других мирах, – в конце концов произнес Хаддат тихо. А потом повернулся вправо и влево, убедившись, что коридор пуст в обе стороны, и быстро забормотал: – Я постараюсь помочь тебе уехать. Торговцы через пролив возят продукты. Можно попасть тайком на корабль. Не бойся, я спасу тебя...

Последние слова испугали до дрожи в коленках. Мне грозит опасность? Как же хотелось узнать, что точно сказал первосвященник.

– Сколько у нас времени?

– Пока ты все не расскажешь, тебя не тронут.

Обнадеживающе... В коридоре послышались голоса. Хаддат быстро вытер лицо полрой ряссы и прошептал:

– Пойдем.

Жизнь опять круто изменилась. К нам приставили двух хмурых молодых мужчин, охранников и писарей в одном флаконе. Они следовали за нами повсюду, даже в столовую. Не знаю, как Хаддат собирался от них избавляться. Каждое утро после завтрака мы приходили в один из безликих кабинетов Храма, и я рассказывала все, что помнила о религиях – истории, заповеди, обряды, пересказывала близко к тексту Библию, Коран, Тору и так далее. Помнила я очень мало, но плюс был в том, что меня никто не мог поймать за руку, если я придумывала от себя лишнего.

Во всех мирах от меня что-то требуют. Горскому нужны технологии, вооружение. Доминам – ребенок. Эти воздействуют более тонко. Они изучают историю, чтобы в своем мире не сделать ошибок и не потерять власть. Неужели были прецеденты? Даже не знаю, что лучше –

наш мир с вечными войнами, сотнями разных конфессий, зато многогранный, безбашенный, яркий, или эти два. С одной стороны, мирные, спокойные, с другой – зашоренные, однородные, консервативные.

Теперь меня не выпускали даже гулять. Я выжимала из памяти крохи того, что помнила из лекций в универе... Не убий, не укради, не прелюбодействуй... Возлюби ближнего, как самого себя... Не пустословь, говори благое и молчи... Соблюдай чистоту внешнюю и внутреннюю и так далее. В общем, для меня наступил мрак и беспросветное уныние. Хаддат тоже не выглядел радостным. В его глазах я все чаще замечала страх и безысходность.

– Завтра меня отправляют домой, – прошептал он на ухо, сидя рядом на ужине. Голос парня дрожал. Он чуть не плакал, у него так и не получилось договориться с торговцами – те заломили запредельную цену.

Бедный мальчик, честный, открытый, доверчивый. За эти два месяца он стал мне как брат. Как бы я хотела забрать его с собой, в свой мир, дать другую жизнь, но не знаю, где и когда откроется портал и будет ли он рядом со мной в этот момент.

– Не бойся за меня, – ответила тихо, – как только проход появится, я исчезну. А пока мне есть что предложить писарю.

Я хитро улыбнулась.

– Могу хоть год рассказывать.

На очереди истории о крестовых походах, религиозных войнах во Франции, Испании, реформации, охоте на ведьм и прочем... Классическую историю я помнила хорошо, увлекалась ею еще со школы.

Хаддат уехал. Прощаясь, он даже сам до меня дотронулся, что являлось подвигом. Крепко сжал руку и держал ее до самого конца, пока один из охранников не постучал в дверь. Я старалась выглядеть весело и беззаботно, но тоже не смогла удержаться от слез.

Портал появился лишь через неделю, когда я уже выскоблила из своих мозгов все, что знала. Если бы не появился, пришлось бы реально выдумывать небылицы. Поэтому, увидев в коридоре знакомую расщелину, я не раздумывала ни секунды, бросилась в нее сразу.

Вышла в центре Гальбы на площади у главного фонтана. Город немного знала – месяц гуляя по аллеям и паркам Византия, я параллельно подглядывала за Гальбой. Вход в терратаре находился чуть западнее, пешком далеко, но что делать... Талы, которые остались с прошлого посещения империи, не сохранились – из съемной квартиры я успела забрать с собой только брошь, евро и телефон. Брошь продавать было рано, попробую обойтись своими силами. Был вариант отправиться в места, куда ходил Растус, и представиться его знакомой, но, подумав, я отмела эту идею – доминам я до конца не доверяла. Вдруг опять превращусь в пленницу?

Поэтому решила сначала обратиться за помощью в филиал «Альфы», значок которого случайно заметила, когда гуляла. Клавдий как-то показывал нам с Авилой документы, оставшиеся со своей старой работы. Пусть организация была и полуподпольная, у нее были и вполне легальные виды деятельности – розыск пропавших, срочная медицинская помощь, обеды малоимущим, бесплатные ночлежки и тому подобное.

Встретили меня радушно. Я сослалась на Клавдия Просперуса, назвалась его дальней родственницей. Клавдия знали даже в Гальбе, он, оказывается, в свое время занимал немаленький пост в организации, руководил одним из филиалов, но ушел после того, как внучка решила стать пари.

– Ты, наверное, из северной провинции? – приятная темноволосая женщина протянула чашку горячего чая.

Я кивнула, обняла ладонями фарфоровые бока, сдерживая непроизвольную дрожь. Пока добиралась до «Альфы», жутко замерзла. Сарафан и кроссовки – слабая помощь при десяти градусах на улице. За последнюю неделю я и вовсе ни разу не выходила наружу, курсируя по Храму между кабинетом, столовой и своей кельей, поэтому одета была легко.

– Совсем молоденькая и одета не по погоде, – запричитала женщина, – что с тобой произошло?

Я рассказала кратенькую историю о том, что несколько месяцев назад нашла работу на Родосе в поместье домина. Помогала на кухне. На прошлой неделе меня выгнали без тала в кармане за то, что разбила дорогой сервиз. Документы потеряла при переезде.

– А почему ты не обратилась в наше отделение в Афинах? – Логичный вопрос. И зачем я приплела сюда Родос, нужно было назвать другой остров, поближе, в Мраморном море, например.

Я смущенно опустила глаза.

– Не хотела говорить, но молодой господин вызвался мне помочь, я неделю провела на его ладье... – чуть не сказала яхте, исправилась в последнюю секунду. – Мы катались по морю, купались, веселились...

В глазах женщины мелькнуло понимание.

– Деточка, – она ласково коснулась моей руки, – ты же знаешь, что доминам верить нельзя, они поиграются и бросят...

От ее слов мне почему-то стало так грустно, что я заплакала по-настоящему. Вспомнилось все: злые слова Фабия, подвал с жутким креслом, а главное – мой родной, потерянный навсегда мир. Я закрыла лицо руками и зарыдала, громко, с надрывом, размазывая слезы ладонями.

– Ну, будет, будет... – бедная женщина растерялась, – пойдем со мной, отдохнешь, я принесу что-нибудь поесть и переодеться. Завтра отправим тебя в Лютецию к Просперусам.

– А можно мне сделать документы взамен утерянных? – всхлипнула я. Наглеть так наглеть.

– Статус сделаем, а вот карту тебе придется самой, ее только в парме делают. Тебе же есть уже восемнадцать?

Я кивнула, мысленно обрадовавшись, что так молодо выгляжу.

В паспорте меня записали как Ксению Весту, сироту. К удостоверениям личности здесь относились не так строго, как в нашем мире. Назвался фамилией Веста – и все, делай что хочешь. Проблема была лишь в длинных родовых именах, которыми дорожили, гордились, оберегали, как самое великое сокровище. Если ты не хотел их терять, то пришлось бы долго и нудно доказывать свое происхождение. У Просперусов, как я помнила, было сорок прямых предков мужского пола, а у Раста – около трех тысяч. Вот у них проблемы бы были помасштабнее.

Фамилию Веста в этом мире считали чем-то недостойным, убогим. И девушки-сироты, ее получившие, изо всех сил старались ее сменить, войти в чей-то род и скорее. Парни, кстати, тоже. Мне же было плевать и на статусы, и на сословия.

Донна Пинна проводила меня к входу в терратаре, купила билет в общий вагон, дала немного денег, номер своего трансa, на всякий случай, поцеловала в щеку и попросила написать, как доберусь. Милая женщина. Я уселась в мягкое кресло и закрыла глаза. «Странно, – подумала мимоходом, – чувствую себя так, словно возвращаюсь домой после длительной разлуки». Внутри тонкой струной звенела радость от близкой встречи с Авророй, Авиллой, Клавдием... Надеюсь, они меня не забыли.

Глава 10

Я толкнула дверь знакомого дома, когда солнце уже склонилось к закату. Как и прежде, ни калитка, ни входная дверь не запирались. Снег еще не добрался до Лютеции, но фруктовые деревья, как и кусты, облетели. Зеленью радовала лишь трава.

– Ксю! Ты вернулась! – ко мне на всех парах неслась Авила, почти сбила с ног, обняла и крепко прижалась к груди, сцепляя ладошки на спине. – Я точно знала, что мы еще увидимся!

Из дальней комнаты вышел Клавдий. Удивление на его лице было безмерным.

– Сальве, Ксения, – взволнованно произнес он.

– Сальве, дорогие мои, – на глаза навернулись слезы. Все было как раньше, так же, как я помнила – большая уютная гостиная с портретами предков на белых стенах, длинный дубовый стол, яркие шары электы под потолком...

– А где Аврора? Она еще на Родосе?

– Нет, – Авила расцепила руки и улыбнулась, – вернулась два месяца назад. Нашла работу в кафе администратором. Здесь, рядом. Скоро должна прийти.

Отлично. Я потеряла руки. Моя дилетантская терапия дала плоды. Подошла к Клавдию и чмокнула его в щеку.

– Тогда подожду, когда все будут в сборе.

На душе было тепло и радостно. Я не переставала улыбаться, всматриваясь в родные лица. Меня не было больше полугода, а казалось, что прошли десятилетия. Семья – это не всегда кровное родство. Семья – это близкие люди, верные друзья, это взаимопонимание, поддержка, любовь. И сейчас я как нельзя более точно поняла, что вот они, люди из другого мира, тоже моя семья.

Аврора пришла через час. Мы успели перекусить, а я как раз закончила рассказ о помощи, которую мне оказали в «Альфе», и о том, как добиралась сюда.

– Ксения! – охнула Аврора потрясенно, бросив быстрый взгляд на мой живот.

Я увидела, как в ее глазах мелькнуло облегчение. Ну да, за полгода я бы не успела родить.

– Как ты? Я боялась, что ты не ушла в свой мир, а осталась запертой у Лукрециев. – Она села рядом и взяла меня за руку. – Я несколько раз приходила в поместье проводить тебя, но Фабий отказывался со мной разговаривать, Растус уехал в Рим, а слуги темнили, отнекиваясь тем, что ты внезапно уехала на материк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.